

Ольга Шарапова

ФРАКТАЛ МОРОСА

16+

Ольга Шарапова
Фрактал Мороса

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шарапова О. В.

Фрактал Мороса / О. В. Шарапова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Роман о смысле жизни. Проверая очередную выморочную квартиру, помощница префекта одного из округов Москвы находит архив с письмами, фотографиями и чертежами умершего человека. Ее увлекает случайная находка, и в конце концов она получает ответ на роковой вопрос, рано или поздно появляющийся в жизни каждого. Этот ответ главный герой романа подтверждает, совершая непоправимый трансцендентный шаг. Стиль произведения можно определить как литературный импрессионизм, он захватывает читателя с первых страниц и держит в напряжении до конца романа.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

28

Ольга Шарапова в соавторстве с красным вином
Посвящаю моему мужу Максиму Шарапову

Благодарю за помощь при создании этой книги моего отца Виктора Алексеевича Смирнова, моего друга, коллегу, музыканта и историка Артема Бурцева.

Ветер такой свежий и порывистый. Он приятно треплет волосы, когда высовываешь голову в поздние летние сумерки. Московская «берлога» раскалилась за день, в ней темно и душно. Ветер поднимает вверх голоса, мотыльков. Внизу жизнь. Смех подвыпивших соседей, огоньки сигарет, крики дворовых кошек. А здесь, наверху? Усталость дня, и ничего. Ничего.

Сегодня подходит к концу, но оно было не зря. Я все еще смотрю вниз, на мигающие за рекой окна и силуэты летящих деревьев, чувствую запах жареной курицы из чужой квартиры. Хочется рассказать кому-то о прошедшем дне и своей жизни. Вы, наверное, тоже ведете такие одинокие диалоги с близкими, и в мыслях рассказ получается складным, образным и остроумным, так тонко выходит отвечать на вопросы. А если вслух попробовать продублировать мысленные речи, они будут неуместными, пафосными пустяками. Так самые сокровенные и важные истории остаются диалогом самого с собой.

И мне некому, кроме самой себя, поведать день. Все спят. Воображение памяти рисует образ: я, тоненькая и летящая, с длинными темными волосами, в самом красивом на свете платье, на каблучках... Меня снова пригласили в мэрию, и, спускаясь по лестнице, я касаюсь хромированных перил подземного коридора. Кольцо на моем пальце звякает о металл. С каждым шагом, с каждым ударом руки оно тонко звенит. И всегда так было на этой лестнице. Если бы вы знали, что для меня это значит... А для вас – ничего. Те же ковры и кресла, только портреты на стенах стали моложе... Меня давно сюда не звали, тем более для наград, тем волнительнее оказаться в родных стенах.

А потом мы с префектом вернулись назад на его машине. Он вообще меня всегда возит. И доверяет давно.

Вот уже четыре года, как я работаю с ним по выморочным¹ квартирам. Понимаю, что скользкая тема, и даже представила, что вы там себе уже нарисовали.

Я не занимаюсь их нелегальным оформлением в собственность шефа. Просто вхожу в группу по описи имущества, готовлю его к аукционам, консультирую в сложных случаях. А поскольку я и искусствовед, и юрист, имею для префекта особую ценность.

Вы представляете себе выморочную квартиру? Это не дворец почившего олигарха. Почти всегда это хрущевка одинокой старушки, где из ценностей жемчужные бусы, федоскинская шкатулка, иногда – икона, старинный сервант. Всего однажды за эти годы мы разжились картиной Фешина², инклюзивным янтарем³ и действительно дорогим сервизом.

Не буду углубляться в детали, но, признаюсь, люблю эту странную работу. Помимо двух профессий во мне живет еще одна, не совсем реализованная, это страсть к прошлому.

Я составила собственное генеалогическое древо глубиной в триста лет еще в юности. Фотографии, письма и дневники, выписки из метрических книг занимают большую часть моего кабинета. Из опустевших квартир я всегда забираю архивы.

Прикрываю окно. Одиноко и радостно. Завтра рано вставать. Шеф сказал, чтобы прямо с утра мы с коллегой поехали по новому адресу. Прошло полгода со дня смерти какого-то уголовника. Завещания нет, наследников, которые могли бы попытаться перерегистрировать жилье на себя, тоже нет, квартира муниципальная, пора снимать печати.

* * *

¹ Выморочные квартиры – юридический термин, обозначающий непередаваемую в наследство жилплощадь, владельцы которой умерли.

² Фешин, Николай Иванович – русско-американский художник-импрессионист.

³ Инклюзивный янтарь – янтарь с включениями в виде доисторических насекомых.

– От чего он умер, Паш?
– Туберкулез. Но ты не бойся, бактерия неустойчивая, через полгода в квартире уже не заразишься.

– Спасибо, что пояснил. Что там еще по нему известно?

– Звали Виталий Морос.

– Отмороз?

– Ага! Сидел за убийство.

– А фамилия специально такая мерзкая?

– Прибалт. Литовец, по-моему.

– А гражданство?

– Наше. Квартира маленькая, думаю, там ненадолго.

Вряд ли что-то есть ценное. Только если общак⁴ под линолеум заныкал.

С Пашей весело. Мы всегда шутим и, бывает, говорим друг другу смешные пакости. Без обид. Он очень хороший.

Мы выходим из машины у блочной хрущевки, погружаемся в теплые июньские волны, которые после кондиционера особенно ласковы. Полузаросшая парковка с тополями, которые роняют пух. Как тепло. Я так хороша. Как я хороша! Боже мой. Сколько в Москве этих дверей цвета капут-мортуум⁵, этих лестниц с серыми резиновыми перилами, которым под шестьдесят лет. И старуха с ведром. Нам навстречу, с полным⁶!

– Здравствуйте!

– Здравствуйте! Вы на второй этаж?

Я не знаю.

– Да, – Паша вежливый, как всегда.

– Я живу напротив Мороса. Если что-то надо – зайдите.

– Спасибо, – я киваю.

Милая она. Аккуратная. В черной юбке, блузочке оранжевого цвета. Эти старушки одинокие, вечные. Знающие все. Я так стараюсь улыбнуться ей как можно ласковей.

– Его больше нет. Совсем.

– Да, мы знаем.

«Как она поняла, что мы к Моросу?»

Во взгляде старушки это обычное выражение сожаления и мудрости... И расходимся.

Она вниз, мы вверх. Сквозь запах кошек и герани. Шум ветра остается во дворе. В подъезде гулкие шорохи.

Паша срывает бумажную ленту с печатью, поворачивает ключ. Это мой любимый момент. Чего только не рисует воображение. Судьба, жизнь, тайна. А главное, разрешен шаг в эту тайну. И мы делаем его.

Квартира была ужасна, видимо, так же, как и ее недавний хозяин. Застоявшийся воздух, липкий, похожий на паутину: окутал, опутал.

– Паша, помоги открыть окно! – у меня не хватило сил. Рамы деревянные, старые.

По обстановке ясно: здесь спали и пили. Продавленный диван, обои желтые, засаленные до блестящей черноты у выключателей, дисковый телефон на оргалитовой этажерке.

– Перчатки дать?

– Ага!

Я достала из сумки вторую пару синих резиновых перчаток.

⁴ Общак (жарг.) – термин, обозначающий воровскую кассу.

⁵ Капут-мортуум – масляная краска бордово-коричневого цвета на основе железистого пигмента. Название переводится с латыни как умирание и возрождение.

⁶ Героям встретилась женщина с мусорным ведром – в пятиэтажных домах первых периодов индустриального домостроения в Москве не было мусоропровода.

Оглядываюсь по стенам. Конечно, картин здесь нет. Пыльный барометр, календарь.

Паша кладет в спортивную сумку ноутбук, губную гармошку, вымпел с советскими значками. Гармошку и вымпел можно отдать знакомому барыге на блошиный рынок.

Я вытаскиваю из ящиков пыль и мусор. Паша щупает диван. Подшивки газет, расколотые чашки, серебряная сережка, ручка с логотипом олимпиады-80, мелкие деньги в карманах одежды, коробка с папками бумаг, письмами и фотографиями, тетради, пакет с камушками и стекляшками. Мы копим вещи, которые никому не будут нужны после нас. Но здесь и вещей-то нет. Такая бедность!

– В духовке хорошая чугунная утятница. Возьмешь?

– Еще не хватало. Я в ней для тебя утку запеку. Придешь есть?

– Фу! Ну хоть что-то! Для шефа вообще ничего нет. Я сдам гармошку, хоть пару тысяч выручу. А ты?

– Возьму коробку с бумагами, больше ничего не хочу.

– Варь, вот тут еще альбомы, держи!

Он своими синими руками передает мне какие-то акварельные эскизы, какие-то старые-престарые бумаги, какие-то детские каракули. Бросаю все в сумку.

– Все?

– Пожалуй.

Мы еще перебираем постельное белье, заглядываем под старомодные шкафчики на ножках.

За стеной в соседней квартире кто-то начинает играть Альбиниони⁷.

Под раскаты клавишной фантазмагии мы, понимая, что больше нечего искать здесь, завершаем. Паша порывисто хлопает ящиками в прихожей. Эта музыка захватывает нас, нарастает, кажется, что время начинает течь в обратную сторону.

Выше, выше, выше. Ключ тонко звякает о полотно замка.

Чужая жизнь, судьба уголовного Мороса, изучена, прочитана, не понята, но словно бы пройдена.

Мы идем вниз сквозь запах кошек и герани. Молодые, живые, свежие, полные сил и планов.

– Паш, он был старый?

– Ему было сорок.

– Мне тридцать пять, тебе сорок два.

– Сорок сорока рознь, – он захлопывает за мной дверцу машины. – Тебя домой?

– Да. А какой срок у него был?

– Пятнадцать. Отсидел двенадцать. Меньше года назад освобожден.

– То есть в тюрьму сел в двадцать восемь.

– Наверно... Утятницу точно не хочешь?

– Нет, спасибо, дорогой!

Я смотрю на свои ногти. Нежно-сиреневые. На кольцо с аметистом в обрамлении мелких бриллиантов и, подняв глаза, понимаю, что не узнаю улиц и не ориентируюсь. Полдень теплым зноем колышет воздух, влюбленные пары под тополями в сквере ждут вечера. Машин немного, одиноко и неудобно. Кажется, что этот день, летняя жара с ее тенью, магазинами, прогнозом грозы и ветра – для кого-то другого. Для кого-то...

– Что с тобой?

– Дай помечтать.

⁷ Альбиниони – имеется в виду «Адажио» венецианского композитора эпохи барокко Томазо Джованни Альбиниони (1671 – 1751 годы).

Паша думает, что мне грустно, а я просто неотрывно смотрю в окно, вверх, на эти домики не выше шести этажей. Здесь могли бы быть мастерские художников, кладовые скульпторов, здесь можно собираться и пить водку под полосатыми абажурами, трахаться, жить, прятаться... И так оно все и есть. Не со мной.

Все дальше эта крохотная квартирка Мороса, где пили и спали. Говорили о чем-то, встречались, любили, дрались, презирали, грелись, мылись, признавались. Жили.

Мне так хочется достать из коробки эти письма, альбомы. Нет. Дома. Все лягут спать, и я достану...

– Варь, здесь направо?

– Да.

– Мороженого хочешь?

– Нет. Хотя... Давай.

Мы тормозим у входа в парк. Паша покупает мне эскимо.

– Поеду вечером на дачу.

– Ну и правильно. А мы завтра.

– По пробкам?

– Ага.

Мы болтаем о своем, о детях, о дачах, о столовой в префектуре.

Жарко и тягостно.

По знакомым уже улицам он подвозит меня к дому.

* * *

Я не сотрудник префектуры, работаю внештатно, не обязана отчитываться, сидеть в присутственной конторе. Кратко обменялись с шефом информацией о квартире.

– Пусто?

– Да, пусто.

Привычно собираю игрушки, разбросанные дочкой в нашей комнате, ее рисунки: дам в широких платьях, сердечки, собачек...

Достаю первую папку из сумки. Ту, что дал Паша. Это тоже детские рисунки. Домик с забором, самолет, лес, а над ним солнце с лучами. Рисунков много. Большинство подписано «Вит», иногда зеркальными буквами, как пишут дошкольники.

Понятно, это рисунки маленького будущего преступника и негодяя Витальки Мороса.

Он хранил их всю жизнь в своей квартире. Не многие так делают.

Знаете, есть прекрасные книги, расшифровывающие символы наскальной живописи, мифов Древней Греции или русских сказок, например, «Морфология» Проппа⁸. И совершенно нет никаких достойных исследований детского рисунка. Психологи-фрейдисты привязывают символы детских художеств к эротическим глупостям. Это не в счет.

Я кладу рядом рисунки своей шестилетней дочки и Мороса. Девочка и мальчик разных поколений рисуют картинки одинаково. Портрет, написанный детской рукой – икона. Лишенный объема и фона двухмерный мир человека – контур огромных глаз, маленький рот. Это существо – визави художника. Не важно, что оно говорит, важно, что видит.

Домики, машинки, звери – все плоское. Почему? Ребенок не пытается дать глубину рисунку, пока ему не укажет на это взрослый. Предметы не касаются и не перекрывают друг друга, и даже человек, персонаж картины, скорее всего, будет висеть над полом или дорогой, не наступая на нее.

Чем старше ребенок, тем менее отчетливо это видно. С годами мозг, наполненный оптическими иллюзиями, меняет картинку, она становится детальнее и понятнее нам, взрослым.

⁸ Имеется в виду книга «Морфология волшебной сказки» профессора, фольклориста Проппа. В.Я.

Звонок в дверь прерывает мои мысли. Муж с дочкой радостные врываются в вечернюю тишину квартиры. Мы ужинаем, обсуждаем прошедший день, смеемся и спорим.

* * *

Слов еще не было. Нельзя было мыслить словами. Холод, свет, гул сквозь пелену. «Гибель! Гибель!» Крик надрывный. Он себе не слышен, как в ночных кошмарах. А потом смазанные часы сна и бодрствования, вдохи и выдохи, наполнения и опорожнения. Руки плотно стянуты, грязно и мокро.

За стеной роддома ливень и холодно не по-сентябрьски. Плакучие кусты, похожие на ракитник, трепещут под струями воды. Наташа счастлива своим ощущениям юной зрелости, материнства. Она как-то сразу из стройной девочки стала рыхлой и уютной, пузатой, с большой молочной грудью.

Она кутается в вязаную кофточку с большими пуговицами. Она так гордится своей новой жизнью, как, конечно, не стоило бы. Хочет, чтобы ей восхищались, радуется сама себе.

Эти кусты ракитника такие неродные, рамы на окнах непривычные. Чужбина в новинку сладостна. Все ее подружки лопнули от зависти. Наташа вышла замуж за литовца и уехала в мир, дразняще-близкий к Европе, мир барочных храмов и брусчатых переулков.

Московская девочка с рабочей окраины и долговязый блондин с костистым носом, акцентом и загадкой в глазах. Он увез ее из родительской коммуналки в собственную квартиру на окраине Каунаса, купил будущему ребенку коляску зеленого цвета и каждый день уходил на работу.

Разница менталитетов позволила молодым прожить несколько месяцев во взаимном уважении, но, как только сливки отношений были съедены и они поняли друг друга, появилось разочарование.

Как-то после посещения свекрови Миколасу Моросу не понравились цеппелины⁹, слепленные Наташей, он двинул молодую жену кулаком в переносицу. Наташа завизжала, он бросился к ней, ударил коленом в бок, повалил, пнул босой ногой.

Наташа с тех пор старалась готовить лучше. Он бил ее страшным боем, а она даже не сомневалась, что после рождения ребенка это прекратится и они заживут счастливо. Так, как жили первые три месяца после свадьбы.

* * *

«Милая сестра Валюша, здравствуй! Как поживает твое семейство? Все ли здоровы? Как у вас с продуктами? У нас можно жить, держимся. Дома все в порядке. Валера окончил восьмой класс с одними пятерками. Очень с отцом радуемся за него. Переживания одни и те же. Как всегда, за Иру. У нее дела очень плохие. Квартиру поменяли неудачно. Соседка – ведьма. Вася пьет и буянит. Мамины серебряные ложки обменял на водку. Ира плачет. А хуже всего дела у Наташи. Третий аборт сделала девка. Учиться не хочет, только твердит, что уедет за границу, трется по вшивым гостиницам, ищет командированных. Ничем хорошим это не кончится. Пыталась познакомить ее с нормальным мальчиком из моего института, но он как от огня убежал. Такие дела, дорогая моя.

Обнимаю. Привет Пете, Коле и Ниночке.

Твоя Алефтина с семьей».

«Дорогая сестра Валюша! Сердечно приветствуем тебя с семейством. Хочу рассказать тебе вкратце о свадьбе племянницы Наташи. Правильно вы сделали, конечно, что не поехали в Москву из Свердловска¹⁰. За тысячу верст киселя хлебать. Свадьба была в столовой Ириного комбината. Гостей много, есть нечего. Все напились. Мы с Женей и Валерой только для при-

⁹ Цеппелины, или диджкукулиай – крупные клецки из сырого тертого картофеля с начинкой из мясного фарша.

¹⁰ Свердловск – название города Екатеринбург в период с 1924 по 1991 год.

личия посидели два часа. Василий кричал, что всех зарежет и «юшку гостям пустит». Бедная Ира, как она терпит его. Как был живодер, так и остался – весь в коровьей крови и навозе.

Очень жалею Ирочку. Она собой пожертвовала ради нас. Работала, чтобы мы учились, последний кусок отдавала. Замуж вышла за этого змееныша. Отдала ей деньги, как и договорились, молодым отдавать не стала.

Жених тот еще фрукт. Литовец. Страшный, на кочергу похож. Ни одного умного слова от него не слышала. Неприветливый, грубый. Наташка с ним хлебнет горюшка. Ну да Бог с ними. Совет да любовь.

Коммунистический вам привет. Целуем тебя, Петю, Колю, Ниночку.

Твои Алефтина, Женя, Валерик».

«Ирине Н. «родился сын тчк назвали виталием тчк». В Москву из Каунаса. Наталья Н».

Я читаю эти письма из коробки Мороса. Обычная советская семья. Три сестры, две из которых, старшая Ирина и младшая Алефтина жили в Москве, средняя, Валентина, — в Свердловске. У двух хорошие семьи; у старшей классические проблемы – пьющий муж и непутевая дочь. Это все так обычно. Мне становится скучно. Пустая квартира, где не нажито даже нормальных чашек. Эти письма – привет из безвозвратности, никому не нужного прошлого.

У одной старушки я нашла открытку с любовным признанием Вадима Козина, что само по себе забавно с учетом его ориентации. А здесь...

Скоро мы с мужем едем в Европу. Новые впечатления сотрут эту муть.

Достаю тетрадь из коробки.

«5 «В» класс. Виталий Морос. География.

Домашнее задание: Почему Земля круглая? Приведи примеры, доказывающие, что наша планета имеет форму шара. Дай развернутый ответ.

Ответ: Наша планета Земля является плоской. Все, что я вижу вокруг, доказывает мне это, в том числе уроки геометрии, где мы изучаем плоские предметы и прямые линии. Все, что меня окружает – стоит на плоскости. Может быть, когда я вырасту и стану путешественником и космонавтом, я пойму, что она круглая. Но сейчас я верю своим глазам.

К тому же древние ученые тоже так считали. А они не дураки были».

Красной ручкой внизу: «Абсурдный бред. Стыдно советскому пионеру писать такую чушь! Два».

Да он просто дегенерат был, этот Виталька! Просто недоумок.

* * *

В понедельник все так же жарко. Душно перед грозой. Выходные прошли, оставив послевкусие жареного мяса и речной воды. Мне хотелось закончить картину. Она уже четыре дня стояла на мольберте, но позвонил шеф, и пришлось ехать в префектуру. Он был председателем жюри окружного конкурса графики, но ничего в этом не смыслил. Художники привезли целую гору работ, я отобрала самые приличные.

Появился Паша, и мы пошли обедать.

– Ужасные выходные. Сынуля задрал со своим футболом.

– Что же плохого? Играет парень летом в футбол. И на здоровье.

– Интересов никаких больше. Ему говорю: ты из школьной программы хоть что-то помнишь или сдал и забыл? А он: «Отстань! Думать не хочу даже!»

– Занудный ты хрен, Паша! Наверно, в его годы все каникулы над книжками крючился?

– Да! И не дурак вырос.

– Спроси у него, почему белые медведи не охотятся на пингвинов?

– И почему же? А! Пошути мне еще!

– А ты, кстати, знаешь, что Земля плоская?

– Конечно! Когда трезвый, плоская, а как выпью – буграми.

– Я это тоже давно заметила!

– Может, по бокальчику?
– Давай. Мне белого. Когда у меня хорошее настроение, я пью белое, а когда философское – красное.

– А когда плохое – водку?

– Да!

Паша принес мне белого, а себе красного.

– Когда я был маленький, я был уверен, что Земля плоская, но в детстве невозможно представить бесконечность, поэтому плоскость была ограничена, типа как пластинка или тарелка.

– Ты хочешь сказать, что сейчас стал представлять бесконечность?

– Представлять – нет, допускать – да.

– А к особому архиву префектуры тебя допустили?

– Знаешь, все в тебе прекрасно, только плоская ты какая-то.

– Иди-ка ты в жопу!

* * *

Интересно, как выглядел этот Виталик? В коробке есть фотографии: можно попробовать вычислить его физиономию.

Судя по всему, это высокий парень со светлыми волосами, этаким марфановец¹¹.

Достаю пачку снимков. Они не в альбоме, а в черном бумажном конверте, разноформатные, цветные и черно-белые. Они не подписаны. Листаю. На меня смотрят неотрывно незнакомцы. Дети и взрослые, объединенные здесь неведомой мне силой. И вот, сомнений нет, это он. Невысокий темноволосый парень с холодными голубыми глазами цвета моря в Паланге. И черт с ней, что фотография черно-белая! Я узнаю его без колебаний. Не знаю, почему.

Он не кажется дебилом, что-то есть роковое в этом лице. Такие не живут долго. И не то, чтобы этот взгляд был похож на взгляд Че Гевары или Джима Моррисона¹²... Обычный нагловатый парень, будущий преступник и нищий алкаш.

«8 «В» класс. Литература. Виталий Морос. Сочинение. Тема: «Мое будущее».

«Я был контуром человека в двухцветном мире. Там можно было двигаться и мыслить, так как движение возможно на плоскости, а мысль не имеет объема. Мои мысли, изучение окружающего и любовь к миру дали мне шанс жить сегодня. Будущее зависит от знаний. Только благодаря своим знаниям я могу решить, нужно ли будущее».

Внизу красной ручкой: «Виталий, я знаю, что ты, хоть и не хватаешь с неба звезд, но ты не шизофреник и не умственно отсталый. Если ты еще раз напишешь такой бред, поедешь к психиатру. Скажи спасибо, что я хорошо тебя знаю. Сочинение переписать! Оценку не ставлю. Мария Николаевна».

Отдельно лежит завернутый в кальку листок.

«Ли, неделю бессонных ночей мне стоило это решение. Ум говорит одно, а сердце – другое. Против сердца ничего не могу сделать. Не вижу будущего, наших детей, ничего. И все-таки я буду с тобой, V».

Подпись «V» – скорее всего «Виталий». И это написал один человек? Почерк разный, но это, судя по всему, совсем разные годы. Сочинение – в пожелтевшей тетради, школьными буквами. Записка – на белом мелованном листе, стремительным почерком взрослого.

¹¹ «Марфановец» – человек с синдромом Марфана, заболеванием наследственного типа. Основные признаки человека с синдромом Марфана – высокий рост, худоба, удлинённые руки и ноги, выступающая нижняя челюсть.

¹² Здесь Че Гевара и Джим Моррисон – как символы бунтарства и кумиры своих поколений. Эрнесто Че Гевара (1928–1967) – латиноамериканский революционер, команданте Кубинской революции, а впоследствии кубинский государственный деятель. Джеймс Дуглас Моррисон (1943–1971) – американский певец, поэт, автор песен, лидер группы The Doors. Считается одним из самых харизматичных фронтменов в истории рок-музыки. Входит в «Клуб 27».

Меня это интригует... Решение... Какое такое решение в своих любовных делах он мог принять? Бессонные ночи. Кому они теперь нужны, чего ради это все?

В моих руках клочки судьбы пропавшего, пропащего человека, не имевшего в итоге ни наследников, ни близких. Сейчас брошу коробку в мешок для мусора. И все.

* * *

Смеркается. Хочется бродить, позвякивая перочинным ножом о монеты в кармане, вдыхать влажный воздух Немана, густой и темный. Голод забивает эти желания. перепрыгнуть с дерева на балкон второго этажа, где открыта дверь и не горит свет, так просто, когда ты мальчишка, отчаянный и веселый. Упругое, гибкое тело послушно, он подтягивается, перекидывает ногу через балконный бортик.

Дверь скрипит, но Ликас не пугается, а смеется тихо, полный азарта и радости. На кухне хлеб, огурцы, а главное, холодная, но все-таки жареная курица!

Он расстилает полотенце, заворачивает добычу. Тем же путем спускается в сумерки, в соседний двор, где никого нет.

Ему двенадцать, и, будь его воля, он съедал бы в день пять таких куриц, но у матери только картошка. Только картошка.

Он обчистил полрайона, воруя по мелочи. Кое-кто подозревал его, и лазить по соседям стало уже опасно. Конечно, Ликас мечтал о велосипеде. Можно ездить хоть в Вильнюс и воровать там. Почти у всех приятелей были велики. Родители, даже самые бедные, как-то исхитрились порадовать их. Ликас однажды заикнулся об этом. «Может, тебе самолет еще купить?! – огрызнулась мать. – Иди, зарабатывай, корячься. Если на карамельку хоть заработаешь, и то дело будет!»

С тех пор Ликас стал присматривать велосипед, самый мужской, серьезный. Он заглядывал в чужие дворы, поднимался в подъезды, но все велосипеды были приметны, хозяин легко бы вычислил воришку на соседней улице.

Ликас дочиста обглодал куриные кости, бросил под кустом полотенце и побрел в ночь куда глаза глядят, на юг, в Рокай. Он шел долго. Была уже глубокая ночь. Фонари горели вдоль пустынной улицы. Ликас всякий раз шагал в тень деревьев, когда мимо тархтела мотором знакомая милицейская машина. Запоздалые пешеходы не представляли опасности, компаний подростков он не встретил. Звездное летнее небо было над ним, еще горел свет в окнах частных домов. Сытенькие детки отказывались от булочек перед сном и лениво играли в своих комнатах. Он никому не завидовал. Даже мысли на этот счет не появлялось у него. Ликас был уличный дикарь, ловкий, верткий, азартный. Он со скуки бы умер, посади его в детскую перед игрушечной железной дорогой.

Ну что же, вот симпатичный домик с невысоким забором. Во дворе машина, значит, и велосипед наверняка есть. На свист никто не откликнулся – собак нет. Палисадник освещает единственное горящее окно. Ликас тенью движется вдоль стены. Сарай открыт, в нем тачка, баки, стеклянная бутылка. Она радужным салютом раскидывает блики карманного фонарика по стенам. Велосипед. Вот он! Мальчик отодвигает от него сарайный хлам, выкатывает на улицу.

Дверь в доме открывается так, что сердце падает вниз. Он замирает. Можно стоять хоть в самом центре палисадника, хоть на самом виду, только не двигаться. Старик кашляет на крыльце. Достает папиросы. Он курит бесконечно долго. Ликас, застыв в неудобной позе, не может перевести дыхание. Докурил. Бросает бычок в банку. Стучит пальцами о перила крыльца какую-то глупую мелодию. Как долго! Но вот он уходит. Закрывает дверь. Ликас выдыхает. Он ведет велосипед к калитке, изнутри ее легко открыть. А дальше свобода, ветер в лицо! Ночью, через весь город. Другьям скажет, что велик купила тетка, а родителям, что другу купили новый, а старый отдали ему! Вот оно, счастье, богатство, настоящая жизнь. Впервые собственный взрослый велосипед! И как он звенел на булыжной мостовой, как легко поворачивал...

Это была ночь восторга. Вся усталость дня слетела с мальчика. Он уже знал, что на первое время спрячет велосипед в пристроечке заброшенной кирхи. Так и вышло. Он в кромешной тьме открыл гнилую деревянную дверку, бережно поставил свой транспорт.

Ликас даже не понял сразу, что велосипед без рамы, и только утром увидел, что он розовый, женский.

* * *

– Ты чо кислый?

– Отвянь!

– Пойдем в сикку играть.

– Пойдем... – Ликас поплелся за Юргисом.

Юргис был такой же нищелюбный парень, как и Ликас, только родители попримитивней. Играть в карты с утра у дворовых ребят было традицией уже две недели. Денег ни у кого не было, и на кон ставили всякую белиберду. Проигравший копал червей на всю компанию, и они шли на Неман ловить сырть и лещей. Если удавалось раздобыть кукурузу, можно было поохотиться на голавля.

Рыбу потом жарили и делили на всех. Всего в компании было пять ребят. Один, Шурик, приезжал в Каунас только на лето к бабушке. Остальные жили здесь постоянно. Все они были русские или наполовину русские, как Ликас. Литовские их ненавидели, дворовые драки были не реже раза в неделю.

– Был бы я постарше, я бы им кишки выпустил, – развязно рассуждал Ликас.

– Все зубы бы им выбил, – добавил Юргис, поворачивая разбитый кулак так, чтобы все видели.

– У моего деда есть трофейный пистолет, я его в следующий раз из Москвы привезу... – Шурик всегда хвастался этим пистолетом. – Айда на великах кататься!

Все подскочили. Рыбы кости полетели в костер.

Ликас первый схватил велик Юргиса, Юргис попробовал спихнуть соперника, но Ликас двинул его под дых. Оба засмеялись, и Юргис сел на багажник. Они мчались по каменной набережной наперегонки, сбивая слепней, подражая крикам чаек. И Ликас с Юргисом, тоненьким и невысоким, не отставали от остальных.

* * *

С наступлением темноты Ликас достал из убежища мерзкий девичий велик и поехал на нем окраинами в другой район. Лишь бы только никто не увидел его на этом позорном велосипеде. Бросить его в своем районе тоже было нельзя. Ликас даже думал его закопать, но не хотел возиться.

Той ночью он угнал настоящий мужской велосипед, с ручным тормозом, вензелом впереди, а ручки его руля были похожи на мушкетерские эфесы.

* * *

Ликас сам не знал, кого душил. Он всей силой своих мышц гнул вниз шею совершенно незнакомого парня, а тот ногой пытался пнуть его, но не мог. Русских, а Ликас относил себя к русским, было пятеро, литовцев четверо. Все они казались старше, а знакомым был только Альгирдас, похожий на паука белобрысый парень. Альгирдас всегда отчаянно дрался, но сегодня был не в форме, и вся его команда быстро сдалась. Они удалялись с угрозами, оставив на земле только Ликаса, который получил больше всех.

– Ты живой?

– Живее тебя! – Ликас встал. Правая рука у него была в крови, то ли своей, то ли того парня, которого он дубасил.

– Покажи! – Они с Шуриком подошли к колодцу. Кровь была Ликаса.

– Красивый будет шрам... – завистливо протянул Шурик. – Какие у тебя пальцы интересные...

– Какие?

– Музыкальные. Длинные. Если бы у тебя родители были интеллигенты, они бы тебя в музыкальную школу записали. Играл бы на фортепиано.

– Чушь какая!

У Ликаса были тонкие длинные пальцы с аккуратными ногтями, не короткими, как у других мальчишек, а вытянутыми, почти овальными.

* * *

– Знаешь, Юргис, я придумал такую фишку...

– Ну?

– На Лайсвес у музыкального театра трутся туристы.

– И?

– Там есть общественный туалет.

– Не знал, что ты ходишь по общественным туалетам.

– Ты придурок!

– Ты сам редкий придурок!

– Так вот, там дыра в полу, крыши нет. Только стенки и дверка. На дверке крючок.

– Хочешь его оторвать, чтобы дверь не закрывалась?

– Дослушай, дебил! Это не тот крючок, который замок, а крючок, на который вешают сумки, когда над очком пристраиваются. Так вот, я придумал из проволоки такую штуку сделать, чтобы снаружи закидывать и сумку подцеплять.

– Клево... А тот, который гадит, думаешь, не заметит это?

– Он на другое смотрит, ему не до сумки.

– Ты голова, Ликас!

– Но надо вдвоем. Например, я крючком подцепляю сумку, а ты рядом на шухере.

Провели репетицию. В тухлявую дверь церковный пристройки вбили гвоздь, повесили на него авоську с мусором, перекинули через дверь проволоку со стальным крюком. Не получилось. Не так-то просто. Весь вечер по очереди Ликас и Юргис кидали крючок. Наконец стало получаться. Когда процент попаданий вырос, ребята успокоились.

Утром сели на велики и понеслись в центр. Первое впечатление было удручающим: возле туалета толпилась туристическая группа человек из двадцати. Остаться один на один с жертвой было невозможно, стали ждать. Постепенно толпа подрастала, Ликас зашел в туалет, изучил расположение крюка для сумок. После него в туалет проскочил бугай с чемоданом. С таким страшно связываться. Ребята кружили по улице, издали следили за объектом.

– Вот так, Ликас: кто-то грабит банки, а мы – сортиры.

– Надо же с чего-то начинать!

К туалету опять подошла толпа. Опять они ждали.

– Идиотская идея у тебя, Ликас! Здесь невозможно остаться одним.

Но в конце концов народ иссяк. Женщина средних лет, похожая на учительницу, с ридикюлем в руках, зашла в туалет. На улице было пусто.

Звякнул крючок замка, послышался шорох, дверь дрогнула под тяжестью, зашелестела ткань, видимо, женщина задрала юбку.

– Давай! – шептал приятель.

У Ликаса тряслись руки. Уж очень авантюрное было предприятие. Даже когда он воровал велосипеда, так не волновался. Ликас тянул проволоку, ридикюль был подцеплен. Он, как огромная рыба, с трудом поддавался, но шел. Казалось, Ликас тянул ридикюль минут десять, хотя это были мгновения. Переваливаясь через дверь, он зазвенел пряжками. Ликас дернул. Ридикюль упал ему в руки.

– Стой! Стой! – закричала женщина. Она со спущенными панталонами не могла выскочить из туалета сразу. Юргис махнул мешковиной, чтобы завернуть добычу, но на это не было даже секунды, и он бросил тряпку.

Ликас держал в одной руке сумку, другой рулил. Он крутил педали так, как еще не крутил их ни разу.

Направо, под мост, мимо парка, мимо булочной, налево, за церковь, через проспект. Ветер свистел, и мир летел навстречу.

Они остановились на заросшем берегу Немана. Минуты три сидели молча на камнях, глотая воздух. У обоих руки тряслись, и они прятали их, чтобы не показать друг другу.

– Давай смотреть, чего там.

– Открывай.

В сумке, прямо сверху, лежал большой бисерный кошелек, полный денег. Под ним паспорт, какие-то талоны, детские фотокарточки, обручальное колечко в мешочке и плитка шоколада. Шоколад они разломали пополам и съели.

– Давай деньги заберем, а остальное подберем куда-нибудь, например, на телеграф?

– Еще чего, – отрезал Ликас.

– Плохо будет бабе без документов. И дети там ее на фотках.

– А нас закопят, хорошо будет?

– Жалко все-таки.

– Не жалко, – Ликас разделил деньги пополам. Вышло каждому по девяносто рублей¹³. Сумку со всем, что в ней осталось, бросили в кусты. Ни талоны, ни золотое кольцо они не взяли.

Деньги были такие, что ни Ликас, ни Юргис не понимали, на что их можно потратить. Они купили мороженого, газированной воды, сигарет, запас батареек, но оставалось еще по восемьдесят восемь рублей, и непонятно было, что с ними делать.

– Знаешь Ликас, ты гениальный чувак, – сказал Юргис, – мы с тобой разживемся еще сортирными деньгами, разбогатеем, уедем в Америку, откроем там свой бизнес...

– Какой бизнес? Птицефабрику?

– Нет, например, будем гнать виски.

– Виски и здесь можно гнать. Вон, бабка твоя гонит виски...

– Это все не то.

– Везде все одинаково. Скучно.

– А что тебе надо?

– Побить литвинов, ведро мороженого, узнать смысл жизни, пить водку, трахать красивых женщин и умереть молодым.

– Ну ты и придурок!

* * *

Придя в себя после дебюта с туалетом, дня через три, ребята снова засобирались к театру. В этот раз взяли хозяйственную сумку, чтобы не разъезжать по городу с уликой в руках.

Сегодня туристических групп не было. Две красавицы на каблуках, с маленькими сумочками, подошли к туалету, зашли по очереди. Воровать у них было не с руки. Зашел мужчина с дипломатом, видно, что богатый. Но у дипломата ручечка была маленькая: подцепить ее крюком невозможно. Долгий перерыв. Все богатые красавцы исчезли. На горизонте появился тощий парень в очках, джинсах и майке, со спортивной сумкой наперевес.

– Наш?

– Наш!

И опять вокруг пусто, щелкнул крючок-замок, вздрогнула дверь от подвешенной сумки, послышалось характерное туалетное журчание.

¹³ «Вышло каждому по девяносто рублей» – имеются в виду деньги советского номинала.

Ликас забросил проволоку, почувствовал, что не подцепил, повел ей вбок, есть! Спортивная сумка была нетяжелая, большая и мягкая, она не издала ни единого звука, прыгнула мячиком в руки Юргису. С усилием втиснулась в хозяйственную сумку и вместе с друзьями понеслась с ветерком в неизведанное.

Была только середина дня. Ликас и Юргис сидели под мостом на бетонных плитах, нагретых солнцем, и распаковывали улов.

В импортной сумке не было ни кошелек с деньгами, ни фотографий, ни шоколадок. Там, в целлофановых конвертах, которые воришки прежде отродясь не видели, лежали пачки листов с перфорированными краями и печатными символами. Прочитать их было невозможно.

– Что это за язык такой?

– Не иначе, гуманоиды написали!

– Это письмо другим цивилизациям...

Под пачкой бумаг лежала коробочка, картонная, матово-черная, без надписей.

– Там бомба, Ликас! Не открывай!

– Не ссы! – Ликас снял крышку.

В коробке лежала еще одна коробка, обернутая пергаментом и пузырчатым полиэтиленом. Ликас бросил его в крапиву. На крышке второй коробки английскими буквами было написано: «concert».

– «Контрацепт», гондоны, наверно...

– Нет, дубина. Смотри!

В коробке лежала пластмассовая штука с кнопками и большим экраном. Это было грому подобно. Электронная игра, видимо, импортного производства. Суть ее была в том, чтобы, нажимая на кнопки «влево», «вправо», «вверх», лазерным лучом сбить летящие по орбите советские спутники. Если уровень был пройден, на Красную площадь садился самолет Матисаса Руста, и Руст махал победителю рукой. Если уровень был проигран, появлялся грустный Гагарин в шлеме и электронным голосом говорил: «Приехали».

Эта игра еще долго была их тайной и первой дверью в компьютерный мир. Мир, похожий на наш, но плоский, и поэтому так близкий детям. «Единицы и нули, единицы, единицы и ничего больше на двенадцати листах с перфорированными краями. Оси «абсцисс» и «ординат», верх и низ, право и лево, линейные расчеты». Движение по безыллюзорной двумерности экрана.

«У этого мужика, наверно, склад таких игр... Счастливый... – думал Ликас. – Если бы я был таким владельцем электронных игрушек. Ведь это целый мир. Владелец мира...»

* * *

– Этим делом, милый друг, заинтересовалось КГБ, – вздохнул подполковник Паулас Беркайтис, поворачиваясь к майору.

– Подумаешь, повесился человек, сразу надо всех на уши ставить.

– Не знаю, у нас неделю назад двое в Немане утопились, никто не приезжал, а тут...

В парке рядом с центральной площадью рано утром нашли повесившегося Ивана Жданова. При нем были документы, деньги. Никаких записок он не оставил.

Иван Жданов работал с программистом М. в Москве. Программист этот придумал простую и азартную игру на реакцию. Идеей заинтересовалась американская компания, которая, внося доработки, готова была выпустить электронную игру огромным тиражом и продавать ее в СССР, озолотив программиста М. Все это делалось незаконно. Но в основной программе и программе доработок были нестыковки. Именно первый, доработанный, но не до конца, экземпляр игры лежал в картонной коробке.

В конвертах были исправления багов и варианты программы от М. Все это добро вез под видом туриста через Литву в Польшу предатель Родины Жданов.

Но дело это так и не было раскрыто.

* * *

Телеграмма из Москвы в Каунас: «наташа отец умер тчк имей совесть приезжай».

* * *

Все эти телеграммы и письма уже две недели не выходят у меня из головы. Поезд Париж – Москва. Мы с семьей возвращаемся из Руана. Я совсем забыла о работе, о своих картинах и префектуре, только Морос не дает покоя. Он снится мне то в образе старика, то кровавого маньяка, то ребенка.

Мальчик, который имел смелость назвать мир таким, каким его видел. А каким я вижу этот мир? Я, художник, специалист в области искусства, понимаю, какие иллюзии дают глубину, как трудно свести эти иллюзии к минимуму, чтобы отличить плоскость от объема на картине, мелкое от глубокого.

Но эти иллюзии не только в живописи. Я сама сейчас сказала: «плоскость» и «объем», «мелкое» и «глубокое». Вот он, примитив человека: видеть крайности, двойственность мира. Черное и белое, добро и зло.

– Аня, ты знаешь, что мир двойственный?

– Как это?

– «Верх» и «низ», «холодное-горячее», «хорошее-плохое».

– Конечно! «Мама-папа», «весело-грустно», – подхватывает шестилетняя дочка.

– Ты решила вспомнить теорию дуализма Декарта? – поворачивается муж.

Декарт...

– Мне всегда казалось иронией то, что именно Декарт создал трехмерную систему координат. Человек, открывший тройственность, утверждал о двойственности мира.

– И в чем же эта тройственность?

– Иногда она ускользает, иногда очевидна...

– Очевидна?

– Между «лево» и «право» есть «я» – середина.

– Остальные понятны. «Холод», «жара» и «тепло». «Высота» и так далее.

Я стою у окна, смотрю на польские пасторали. Рождение, жизнь, смерть; Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух.

В детстве я спрашивала у родителей, смотревших кино: «Этот герой хороший или плохой?» Когда я стала понимать, что между плохим и хорошим есть что-то еще?

«Я был контуром человека в двухцветном мире». Это двухмерный мир. Мир, который, взяв один фломастер, рисуют дети.

Сейчас я, взрослый человек, полностью ощущаю трехмерность мира. Значит, старики должны видеть четырехмерность? Но это не так... Настоящее, прошедшее, будущее...

* * *

Ликас потянулся было за курткой, на улице моросило.

– Виталик! – мать всегда звала его русским именем, – стой. – Она стояла в дверях, держа листок, принесенный только что. – Телеграмма пришла. Дед в Москве умер. Собирайся, вечером едем в Москву.

Неизвестно, чем бы кончилось воровство в туалете, рано или поздно Ликаса поймали бы, но эта поездка вовремя вырвала его из опасной забавы.

Была суббота, и отец сидел дома. Они не разговаривали уже давно. Причины ссор были в мелочах: сломанная ручка шкафа, банка шпрот, съеденная и не оставленная отцу. На самом деле Миколас был уверен, что Ликас, невысокий, жилистый, с темными волосами, не его сын. Будь он поумней, он заметил бы сходство в движениях, напряженных позах, в голосе, манере смотреть исподлобья, но он был не способен на такие тонкости.

– Я с вами не поеду, – буркнул он.

– Тебя и не звали.

Наташа, огромная, заплывшая жиром, уже не боялась мужа, бывшего ее когда-то. Она теперь сама могла его побить, пользуясь весовым превосходством.

Собрали сумку, ту самую, хозяйственную, с которой Ликас ходил на дело.

Поезд отправлялся в ночь, и они долго сидели на вокзале, билетов не было. За пять минут перед отправлением бронь сняли, и Наташа с боем вырвала два билета на плацкарт.

Никогда раньше Ликас не ездил на поездах, не был в Москве, никого не хоронил. Он совершенно не знал этого чужого «деда» и не расстраивался, что он умер.

«Здесь тоже легко воровать, все спят, вещи лежат», – думал Ликас. Ему не спалось. Чужой храп, тряска и гул колес тревожили.

На кладбище его не взяли, оставили в бабушкиной квартире вместе с какими-то детьми за старшего. Была суматоха, смех и слезы, и все чужое.

Ликас осматривался. Квартира была однокомнатная, похожая на каунасскую. Сервант с хрусталем, диван с бархатной накидкой. В целом богаче, чем дома у родителей.

Родственники вернулись с кладбища, стали садиться за стол.

– На последние деньги ведь похоронила! Все пропил, гад! – причитала бабушка, какая-то тетка ее жалела.

– Бабушка, давайте я вам денег дам, – Ликас хотел похвастаться богатством, у него осталось еще восемьдесят пять рублей, но обращение на «вы» и акцент придали фразе такую благородную сочувственную изысканность, что обе женщины замолчали, оторопев.

– Да что ты, золотой! Да откуда они у тебя? Самому, наверно, нужны, – бабушка подумала, что мальчик скопил рублей пять.

– Возьмите, я заработал, и еще заработаю, – Ликас вошел во вкус и достал из кармана две красные десятирублевки.

– Не надо, милый!

– Возьмите, – он достал еще две, положил в пухлую руку бабушки.

– Спасибо, мой свет, – она поняла, что это не последние деньги, и взяла их. «Наверное, в Литве можно заработать, это же Европа...»

За столом Наташу стали расспрашивать о житье-бытье в Каунасе. Она приукрашивала все с неожиданной для нее изобретательностью. Стали спрашивать Ликаса, выяснилось, что такой складный, сильный парень никогда не ходил в спортивные секции, не читал книжек, о которых у него спрашивали, ничем не занимался...

При этом он был находчивый и не стеснительный.

Тетья Аля, сестра бабушки Иры, пригласила их к себе на следующий день, чтобы развеять и поддержать новое знакомство.

На поминках Ликас узнал, что дед всю жизнь забивал коров для мясокомбината. «Вот это профессия, – думал он, – не то, что слоняться с кислой рожей, как папаша, или на почте носить посылки, как мать...»

В общем, все друг другу очень понравились, и у родственников осталось неожиданно приятное впечатление.

* * *

«Здравствуй, Валя! Поправляйся скорее, жду вас на сорок дней на поминки. Я наконец-то познакомилась с внуком Виталиком. В Литве его друзья зовут Ликас. Ему скоро тринадцать лет. Какой он нежный, умный, отзывчивый мальчишечка. Никогда не ожидала, что у Наташи с ее мужем может получиться такой светлый, чудесный сын. Светлый душой! Наташа мало с ним занималась по дурости своей, но как он играл на пианино у Али в гостях, не зная нот, прямо сходу! Читал мало, но сейчас сидит с книжкой Джека Лондона. Какое же золотце, мой родной мальчик!

Обнимаю вас всех и жду, Ирина.»

* * *

Поездка в Москву для Ликаса, где бабушка накупила ему на его сорок рублей гору обновок и подарков, стала потрясением.

Во-первых, воровать оказалось не таким естественным для него делом, как он думал. Если мать подворовывала из посылок, то здесь на его глазах никто этим не занимался, а жили не хуже.

Во-вторых, бабушка была первым человеком, который назвал его «миленький» и «золото», все им восхищались и хвалили, хотя до этого почти тринадцать лет пинали и огрызались.

В-третьих, у бабушки была библиотека, и книги стали для него откровением. Приключения Элама Харниша, «Белый клык», «Любовь к жизни», а потом, уже в Каунасе, «Морской волк»¹⁴, рассказы Жюль Верна...

Назад он возвращался с тоской. В Москве понравилось, он за десять дней успел сходить на Красную площадь и в парк Горького, он сытно ел и катался на метро.

Он лежал на своей полке, уткнувшись в ночное окно, жалел бабушку, презирал мать.

Ущербные родители дают сильное потомство. От природы умный мальчик в таких условиях не мог стать полноценным, а запас его детской радости, открытости миру и легкости кончался по мере взросления.

Дрема в тряске несла его сквозь ночь. Чей-то шепот, звяканье стаканов вплетались в сюжет сна. Холодно. Несмотря на жару. Просто кто-то пооткрывал окна, и ветер кружил по плацкартному вагону, выметая дрянные запахи. Мальчик открыл глаза. Брезжил рассвет, вагон спал, храпела мать, ветер метался и трепал белые тряпки занавесок.

Долгий гудок, колеса начали замедлять свой ход. Ликас свесил ноги с полки, зажмурился, заморгал. «Гудогай»¹⁵.

«Черт, туалет закрыт»¹⁶. Он спрыгнул вниз, не в силах ждать отправления. Прошел по коридору. – Сколько стоим?

– Семь минут.

– Можно пройтись?

– Пройдись, – проводница пристально смотрела ему вслед. Ликас перепрыгнул через пути, зашел за угол вокзала, чтобы она не видела его.

Серая мохнатая дворняга копошилась в кустах. Она не заметила мальчика, совершенно не ожидая человека в такой ранний час. «Напугать ее, вот смешно», – подумал Ликас.

– Пшшш, пшшшшш! – зашипел он с неожиданной силой. Собака, словно ее подняли в воздух, боком взлетела вверх и вправо. Какая-то сила вознесла и понесла ее, и именно в этот момент по пустому шоссе, куда она вылетела, мчался «Москвич». Он даже не пытался затормозить. Только после удара сбавил скорость, но не остановился.

Ликас, совершенно этого не ожидавший, подошел к собаке. Она лежала на обочине, похожая на огромного освежеванного кролика. Половина шкуры чулком слезла с нее, обнажая белое, чуть розоватое мясо без крови.

Обескураженный, мальчик оглянулся на поезд. Он стоял. Часы вокзала показывали три минуты до отправления.

– Прости, – сказал он вслух и быстро пошел к поезду.

Сна уже не было. «Неужели кожа так легко слезает с мяса? Почти как одежда. И от удара собака не расплющилась, не превратилась в блин. Она лежит такая же, как была, только без

¹⁴ Приключения Элама Харниша. Элам Харниш – главный герой романа «Время-не-ждет» Джека Лондона. «Белый клык» и «Любовь к жизни», «Морской волк» – произведения Джека Лондона.

¹⁵ Гудогай – железнодорожная станция в Гродненской области Белоруссии в 7 км от границы с Литвой.

¹⁶ «Туалет закрыт». Во время действия романа во всех поездах на остановках было запрещено пользоваться туалетами.

кожи, мертвая... Она, наверное, вообще не поняла, что случилось. Так: раз, кто-то шикнул, и вот ты уже без кожи, мертвый, в один миг...»

Конечно, Ликас не мог знать, что из-за его проделок повесился парень в очках, работавший с программистом, а у вдовы, у которой он украл ридикюль, случился инсульт и отнялись ноги, но он стал замечать, что не может не делать зло. И рад был бы не делать, но и осознанные, и невольные поступки почему-то зло провоцировали.

«Я как мальчик, который бросил в корыто корове осколки, когда разбил стакан», – думал иногда Ликас, вспоминая Толстого¹⁷.

Теперь он читал Толстого, ночью. В его кругу читать было стыдно.

Пройдет много лет, и осужденный Виталий Морос будет просыпаться от одного и того же сна. Он задыхается от жары. Лето. Старшие ребята взяли его и Шурика ловить птиц в Ужусалай¹⁸. Ликас собирает малину. Она расплывается алыми сотами вакуолей в пятнах сна.

Перелесок вблизи озер наполнен комариным звоном и гулом пчел. Как хорошо. Душно, но так спокойно и хорошо. Он уже знает, чем кончится сон, но сейчас эти пятна малины, этот шум насекомых сладок. Смех вдалеке.

«Чему они смеются?! Чему смеются?!»

– Идите сюда, идите сюда!

Он бежит к пятнадцатилетним Альгирдасу и Гинтарасу. Шурик раньше него принесся к литовцам.

– Держи, держи его!

В сетке, похожей на рыболовную, мечется белый аист.

– Держи, Шурик, держи его!

Шурик, послушный, сквозь сетку хватает огромную бьющуюся птицу за крыло, и Гинтарас с разбегу бьет аиста ногой.

Ликас смотрит, остолбеневший, сквозь шум в ушах, грохот возни, крики птицы и людей, он слышит хруст ломающихся костей.

Аист, видимо, маленький, хрипит и продолжает бить переломанными крыльями.

– Ну, Шурик, будешь аистиное мясо жрать?

– Давай, костер разжигай! – кричит Альгирдас.

Шурик, белый как полотно, стоит, опустив руки.

– Сейчас проверим, как вы умеете кур ощипывать, – хохочет Гинтарас.

– Ликас! Ликас!

Гинтарас наступает сапогом на ногу аиста.

– Ликас, тряпка! Что стоишь? Иди сюда!

Как в калейдоскопе, вращаются перья, смех, крики, удары сердца. Закрывать глаза, провалиться сквозь землю! Рука в кармане ищет нож. Как назло, его нет.

– Ты чего там?! Живей!

Ликас подходит уверенным шагом, толкает плечом Гинтараса, с опустошающим усилием наступает на шею аиста и ломает ее. Все.

Тьма разбавлена синим квадратом окна. Он пытается отдышаться, сидя на шконке. Закрывает и открывает глаза, глядя на синий свет, не анализируя компульсий¹⁹. И только свет, и только удары сердца.

Это не просто ночной кошмар. Так было на самом деле.

¹⁷ «Я как мальчик, который бросил в корыто корове осколки, когда разбил стакан», – думал иногда Ликас, вспоминая Толстого. Имеется в виду рассказ Л.Н. Толстого «Корова». Скорее всего Ликас Морос неверно трактовал суть рассказа, ища аналогии с собственными поступками, так как только начал искать ключи к природе явлений в литературе.

¹⁸ Ужусалай – местность неподалеку от Каунаса.

¹⁹ Компульсия – проявление навязчивых движений, связанных с нарушениями нервной деятельности. Чаще всего проявляется после нервных потрясений у людей с высоким интеллектом.

А дальше уже не сон, а память продолжает одну и ту же историю.

Электричка в Каунас. Шурик с рыданиями: «Я думал, мы наловим зеленушек²⁰. А вы! Вы... Вы убили аиста!» – «Я убил?» – «Да, ты убил! Урод!»

Ликас знает, что это не так, что он добил, чтобы прекратить. Что он мог еще сделать? Заплакать? Убежать? Никогда.

Мерзко.

Но, черт возьми! Он же, конечно, понимал, что Гинтарас и Альгирдас зовут их с собой не просто так, что это ловушка, проверка. Он мог бы не ехать. И не мог не ехать.

И еще долго после этого о нем говорили: «Этот русский убил аиста. Ребята поймали, а русский убил...» И только квадрат окна. Холодный синий квадрат.

* * *

Национальное ожесточение нарастало. Напряженное общение, драки, конфликты. Мать и отец почти не разговаривали. Отец не вызывал ее на скандал: Ликас понял, что назло матери он вступил в дискуссионно-политический клуб на своем производстве. Он стал пропадать на каких-то квартирах и полюбил слово «гласность».

Ликас слабо понимал, что происходит, если не сказать, совсем не понимал. Он чувствовал только ненависть к себе, презрение к родителям. В его русской школе висело ощущение обреченности, словно он ходил в школу для неандертальцев, чужую, смешную.

На уроке химии, который вел старик-литовец, класс получил задание найти элементы таблицы Менделеева в стихах Юстинуса Марцинкявичуса²¹.

«Что за бред», – думал Ликас. Полкласса сообразило, что речь идет о золоте и серебре, классические метафоры осени и зимы. Ликас получил неуд, он пытался понять, в чем связь химии и поэта Марцинкявичуса...

В конце сентября кое-кто из знакомых ребят раздавал листовки литовского движения за перестройку.

«Элита» рабочего района – директора предприятий и школ – создавали «культурные объединения», борющиеся за сохранение национальных ценностей.

Ликас был свидетелем драки, когда группа литовцев напала на десятерых поляков. В порыве шовинизма они яростно дубасили потенциальных носителей американских ценностей.

Ликас не знал историю, генетическая память пока не прибывала его ни к одному берегу. Он жалел поляков, не зная о том, как они в 1919 году отхватили Вильно²². Он сочувствовал просто из солидарности, потому что сам дрался с полнокровными наследниками жимайтов²³.

Он был еще совсем мальчик и судил по-детски.

– Ты знаешь, что Вильнюс вернули Литве советские военные в 1939 году? – спросил как-то у Ликаса Юргис.

Все чаще в детских разговорах появлялись политические темы.

– Ну и что?

– А теперь литовцы ненавидят нас и Союз. Это же неблагодарность!

– Я за свободу. А в Союзе ее нет.

– Какой тебе свободы нет?

– Никакой, – Ликас сам не знал, какой.

Для него был один закон – закон улицы. Свобода и формальность ее ограничений были просто словами. Он вообще не формулировал для себя понятие «закон». «Есть закон: ночью

²⁰ Зеленушки – небольшие птички желто-зеленого цвета, родственники щеглов, легко адаптируются к содержанию в неволе.

²¹ Юстинус Марцинкявичус (1930-2011) – литовский поэт, переводчик, один из руководителей антисоветской партии «Саудис».

²² Вильно – старое название Вильнюса.

²³ Жимайты – исконные племена литовских земель.

спать – днем бодрствовать. Есть закон: утром завтракать – днем обедать». Только сейчас, в тринадцать лет, он начинал задумываться и пересматривать свои понятия на этот счет. Так же понятие «свобода» для него было только «свободой» от родителей, от обязанностей. Обязанностей у него и так не было никаких, так же как и привязанностей и моральных обязательств, хотя он и не был лишен эмпатии.

В пятом классе он теснее сошелся с Симонасом и Йонасом. Это тоже были ребята, которые мечтали уехать из Литвы в Москву. Симонас был поляк, попавший в Каунас случайно из-за смерти родителей. Взятые его родственники назвали себя потомками Гогенцоллернов²⁴, и он быстро перенял их манеру. Называл себя герцогом в изгнании и мечтал продвинуться по партийной линии.

Йонас был более адекватный мальчик. Его отец и мать развелись, и он надеялся вернуться в столицу. Он прожил в Москве большую часть жизни и не знал ни слова литовски. По документам он был просто Ваня Чернов²⁵.

Русская школа оставалась оплотом социализма, она словно бы стояла на обочине пылящей дороги. Конечно, отдельные учителя вроде химика смущали покой, но в целом ученики видели общий настрой республики сквозь закопченное стекло.

* * *

Был ноябрь. Влажный, холодный. С короткими темными днями и мутными ночами. Йонас с Ликасом сидели на батарее в подъезде йонасовского дома, голодные и замерзшие.

- Сейчас бы мяса кусок да музыку.
- У гинтарасовской кодлы есть магнитофон.
- А у нас хрена лысого...
- Мне мать никогда не купит, – вздохнул Йонас.
- А отец может прислать из Москвы?
- Он сюда ничего не пришлет. Требуется, чтобы я приехал. Сказал: «Придешь – будет все, а матери ни копейки не дам».
- А алименты?
- Не знаю, не слышал.
- Он как вообще, нормальный?
- Да, он клевый. Он за демократию, равные права, за Европу. Говорит, что КПСС прогнило и там старые пердуны.
- А ты за кого?
- Я тоже за демократов.
- Завидую... – буркнул Ликас.
- А чего завидовать?
- Если бы я понимал, кто такие демократы, кто коммунисты, я бы тоже кого-то выбрал.
- Понятно все. Демократы за народ, за молодежь, коммунисты – деды слабоумные, в маразме.
- Мне вот мало твоего мнения, чтобы поверить. Даже тут вообще нельзя верить...
- Эй, уроды малолетние! – раздалось из распахнувшейся двери квартиры, – валите к черту! засрали все, мрази!

Ликас встал и молча пошел на улицу, Йонас зябко сунул руки в карманы и двинул за ним, плавно двигая бедрами, почти не поводя плечами.

Йонас хотел было перейти на повышенный тон и отстоять свою политическую точку зрения, но соседский окрик сбил его, и последнее слово осталось за Ликасом как-то само собой, по-философски, даже красиво.

²⁴ Гогенцоллерны – угасшая династия королей Пруссии.

²⁵ Йонас – литовский вариант русского имени Иван.

Они остановились в оранжевом ромбе света, падавшем на землю из окна булочной.

– Ну и куда идти теперь?

– Куда?.. Туда!

Их гоняли изо всех подъездов, угрожали милицией.

– Тогда по домам что ли? – сплюнул Йонас.

– Да, холодно, и жрать охота. На самом деле можно и в церкви посидеть.

– Ты ее к котельной подключишь?

– Костер разожжем на полу.

– Утро вечера мудренее. Орейвуар.

– И вам того же.

С этого вечера Ликас стал мечтать о магнитофоне.

Он даже знал, что хотел. Это был только-только появившийся латвийский VEF 286, стереомагнитофон, двухкассетник. Он стоил пятьсот рублей. Семейный бюджет за три месяца. Нда...

* * *

Пол в церкви местами был разобран. Штукатурка барочных нефов скрючилась, шелушась, и стала похожа на сомкнутые черные крылья бабочек, зимующих в темноте безвременья. Орган давно сломан, его словно раздавили, и трубки торчали с хоров ребрами Левиафана.

Ликас, Юргис и Йонас принесли сырую картошку, соль, спички.

Над одним из приделов не было крыши, там и решили жечь костер. В этой церкви прошло все детство Ликаса, Юргиса и других ребят. Здесь они прятали «клады», делали тайники, играли «в войну», курили, за эту цитадель шли битвы между дворовыми бандами...

Отец Ликаса когда-то рассказывал, что церковь строил польский католик-архитектор. И не так уж долго она была открыта. Это не была старинная церковь. Ей не повезло иметь историю. Советская власть уничтожила ее настоящее, но не будущее.

– Мать, тварь! – сплюнул Йонас. – Ни копейки не дает. – В Москву хочешь?

– Еще бы. Как мы там жили! И сама ведь, шлюха, переспала с кем-то, отец ее и выгнал.

Он бы не за дело не выгнал. У меня в Москве все: отец, бабушка, дедушка, за городом дача, собака своя была...

– За каким рожном ты поехал?

– Пожалел ее, ну и из любопытства...

– Меня тоже мать в Москву не пускает, – произнес Ликас.

– А ты там чего забыл?

– Там бабушка. Она классная...

Юргис молчал, он деловито закапывал в мерзлую пыль картошины, раскладывал сверху розжиг. Спички долго не давались, затем одна, пятая или шестая, зашипела, дымясь, осветила алым, приглашенным светом безголовый придел. – Я выйду, – сказал Юргис.

– Чего забыл?

– Ветерка.

– За колонну зайди.

– Обалдел? Знаешь же, я в церкви не могу... – Юргис вышел, шаги его тихо раздавались в холодном воздухе.

Огонь горел. В гробовой тишине Ликас и Йонас увидели человека. Он стоял перед ними и смотрел в упор. Вдохнул, не произнеся ни слова, ушел прочь.

Время замерло. Вернулся Юргис.

– Чего с вами?

Ликас и Йонас обернулись на него одновременно, отходя от остолбенения.

– Что случилось? Ликас?!

Ликас услышал вопрос сквозь пульсацию крови.

– Ты никого не встретил? – спросил он Юргиса голосом, которого сам не узнал.

– Нет.

– Кто это был? Ты же видел? – глухо произнес Йонас, смертельно бледный.

Юргис, обескураженный, шепотом начал выяснять, что случилось. Безмолвного человека видели оба, то есть он не был галлюцинацией. Только Ликас утверждал, что человек был гигантского роста, Йонас – что обычного.

Костер тушил Юргис. У Ликаса дрожали руки. Он вообще не помнил за собой такого оглушающего страха. Гнев, ненависть, обида – это было, но ужас такой – нет.

– Пойдем скорей, скорей! – зашипел он Юргису сквозь тошноту. В ушах шумело так, что он мог упасть и не способен был взять себя в руки.

Йонас на ватных ногах шел рядом, ему, очевидно, было плохо, но он неожиданным усилием воли справился с собой.

Юргису было жутко и смешно. Его-то никто не напугал, но последствия настораживали. «Что они видели? Тень на стене от костра. Случайного бездомного», – думал он. И радовался, что сам не наткнулся на него, когда ходил один.

Ликаса начало отпускать, только когда он, простившись с друзьями, пошел по довольно людной улице к дому. У подъезда старухи Агне и Габия зло сверкали стеклянными северными глазами. И это было очень по-родному.

Он уснул под утро, измученный сумасшедшим сердцебиением. Кошмарный сон был неглубоким и смешивался с явью.

– Вставай в школу! Орал всю ночь, – ворчала мать.

* * *

– Пап, а наша церковь в честь какого святого? – спросил вечером Ликас у отца. У них был период примирения, и они общались.

– Не помню.

– А с ней не было странных каких-нибудь историй?

– Что странного? Разорили, разграбили коммунаки. Такие, как твоя мать.

– Может, в ней повесился кто?

– Призрака, что ли, там увидел?

– Нет.

– Уроки лучше учи, церковник...

* * *

Советское воспитание не оставляло места мистицизму, но Ликас снова и снова крутил в голове воспоминание о гигантском человеке.

Через несколько дней пошли в церковь. В компании был еще Симонас с приемником и сигаретами. Все как-то очень развеселились, и страха не было. Симонас вообще не знал о том случае.

И тем не менее именно он сказал через полчаса: «Слушайте, мне кажется, на нас кто-то смотрит». Он произнес это между делом, между шутками, но все замолчали, не переглядываясь. Ликас совершенно четко ощущал на себе взгляд.

– Пойдемте-ка отсюда, – сказал Йонас, видя, что Ликас бледнеет. Никто не стал спорить.

Каждый раз впоследствии, пытаясь вспомнить облик безмолвного, Ликас не мог сконцентрироваться и понимал, что фантазирует. Была борода или нет? В чем он был одет? Постаринному? Как сейчас носят? Отбрасывал он тень, ведь в приделе горел костер? Нет, Ликас не мог ответить.

Точно было одно – это фигура, четкий контур, а цвет... Монохромный.

«Ну что я, пионер, будущий коммунист, неужели я боюсь эту фигуру, плоскую, черную? Все видели, как я позеленел от ужаса. Да черт бы со всеми. Я себе докажу, что не боюсь». Неиз-

вестность наполняла его ужасом, а отчаянный характер требовал реванша над собой любой ценой.

И он пошел в церковь один. Прямо на следующий день.

Ноябрьские дни и днями-то не были. Он шел в сумерках сквозь снежную морось после школы. «Пусть у меня сердце разорвется, но я увижу еще раз безмолвного. Я спрошу, кто он!» А сердце действительно разрывалось. Ликас чувствовал физический страх, такой, что слабость разливалось по всему телу. «Что я, обморочная коза²⁶, что ли?»

Он потянул дверь пристройки, где летом прятал велосипед. Она всегда скрипела, а сейчас открылась без звука, порталом в другой мир. Переступил порог, прошел в центральный неф. Его мутило. «Это сон. Это не наяву. Это сон».

В церкви было пусто. Непоправимо пусто. Просто пусто. Пусто настолько, что сразу отпустило. Здесь никого не было и не могло быть. И было совсем не страшно. Вот останки костра, обертка сигаретной пачки.

Ликас поднял взгляд, посмотрел на стены придела, вернулся в центральный неф. Вышел на улицу. Голубь, тряся головой, шел к дворовой помойке. Крики малышей со стороны горки. И музыка, музыка откуда-то: «Это "Плач" Кшиштофа Пендерецкого, хотя нет, показалось...». Ликаса снова обдало липким холодом, когда пот выступает от того, что замерз. Он сел на грязный бордюр. Затем встал и пошел к дому.

* * *

²⁶ Обморочная коза – разновидность домашних коз. Теряет сознание при испуге.

У родственников Симонаса, у которых Симонас жил, имелся гараж с подвалом. После истории с церковью полячка удалось раскрутить, и он тайно достал ключи от гаража. Тем более что зимой на машине в его семье не ездили. Теперь компания переместилась туда.

– Гаражный призрак не придет сюда? А то мы так обделались в этой церкви, что вспомнить срам! – хохотал Юргис. Он здорово вырос этой осенью и стал заметно взрослее.

– Мы его ключом гаечным в харю! – заливался Симонас.

– А ведь мы так и не поняли, что это было...

– Йонас, это коллективная обсираловка.

– Наверно, в Библии написано, что это.

– Возьми, почитай.
– Ты ее хоть раз в глаза видел, Библию эту?
– У моей бабушки есть, – отозвался Йонас, – Я даже листал ее.
– А что читать не стал?
– Мутно очень. И много. Там «Ветхий завет» и «Новый завет». И все очень древним языком.

– Еще «Третий завет», – буркнул Симонас.
– Тора что ли жидовская? – все заржали.
– Ты debil, Юргис!
– А что там в этих заветах? Заветы Ильича²⁷?
– Нет, там вроде как заветы Бога Отца, потом заветы Бога Сына, а третьи – Бога Святого Духа. Мне так мать говорила. Их Мережковский²⁸ придумал.

– Заветы Ленина Мережковский придумал?
– Наверно, я не знаю, – шмыгнул носом Симонас.
– То есть их три, этих завета? – спросил Ликас. – Все думают, что два, а их вроде как три?
– Хрен знает...
– У меня тоже есть завет, – весело прошептал Юргис.
– Чо?
– Завет нарушать старые заветы! – он звякнул чем-то в темноте подвала.
– Огурцы, что ли, нашел соленые?
– Самогон!
– Вы охренели, дядькин самогон жрать собрались?
– Да он, небось, и забыл про него!
– Жаба, что ли, задушила для друзей? – Ликас с хлопком содрал белую пластмассовую крышку. Первым сделал сначала маленький, а потом, без паузы, большой затяжной глоток. Он ожидал, что пойло будет обжигающе отвратным, но самогон был сносный. Ликас прикрыл глаза, наслаждаясь горечью и спиртовым духом, как только можно наслаждаться мерзостью в тринадцать лет.

Следующим отпил Юргис, потом Симонас и Йонас. Закусывать было нечем. Кто-то закашлялся. Йонас начал икать и выскочил на улицу есть снег.

Через двадцать минут все четверо были в стельку.

– Меня зовут Виталий, я вижу духов!!! – кричал Ликас с хриплым ревом. Он бросился с кулаками на Йонаса, они стали бороться, кататься по полу в беззлобном одурении. Симонас, покачиваясь, начал с философски-ослиным выражением осматривать банку с самогоном. Оставалось чуть меньше половины. Он с грохотом поставил трехлитровку мимо полки, и банка разлетелась вдребезги, обдав его запахом сивушного спирта. Йонас и Ликас лежали на полу. Йонас уже не подавал признаков жизни, Ликаса рвало.

Он очнулся где-то через час от холода. Буржуйка²⁹ погасла. Йонаса не было. Симонас и Юргис спали, сидя на деревянных ящиках, привалившись к стене. Ликас пошел к дому, с трудом разбирая дорогу.

* * *

– Мразь! От кого ты родила этого уродца!?! – кричал отец. – Твой папаша алкаш, и этот ублюдок весь в него! – послышались звуки ударов. Ликас не знал, кто кого бил.

²⁷ «Заветы Ильича» – нарицательная фраза, указывающая, что Советская страна движется по пути, указанном Владимиром Ильичом Лениным.

²⁸ Дмитрий Мережковский (1865–1941) – русский писатель, переводчик, философ.

²⁹ Буржуйка – маленькая металлическая печь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.